

(понятно, что это лишь гипотетическая точка, поскольку вы не найдете ни одного человека, который был бы, например, художником или любителем живописи, и при этом не имел никаких вкусовых пристрастий или предпочтений). Затем следует определиться с самыми принципиальными противоречиями в рассматриваемой деятельности. Если это наука, то, понятно, таковыми будут понимание объекта, его познаваемости и метода его исследования. Сферический характер типологии позволяет учитывать самые разнообразные и самые тонкие нюансы расхождений во взглядах.

Важным приемом прагматической типологизации является т.н. «челночный» принцип критического анализа, т. е. переход от наиболее общих критериев типологизации к самым конкретным фактам и обратно с постепенным сужением диапазона путем конкретизации критериев типологического анализа и одновременного обобщения фактов. Он позволяет выбрать оптимальный способ разложения типологизируемых объектов в пространстве объектной сферы. Помним, что наша задача не создать полную и исчерпывающую картину исследуемого объекта, а дать наиболее действенную, полезную для целей исследования систему знания о нем. При этом совершенно снимается проблема эволюции взглядов, вкусов или мнений. Объектом типологизации может являться и конкретный выраженный в какой-либо наблюдаемой форме отдельный взгляд отдельного лица, и совокупность наиболее общих и стабильных взглядов этого лица, и совокупность принципиально сходных взглядов группы лиц. Таким образом не только взгляды, характерные для целых течений, направлений, школ, но даже разные взгляды, мнения, вкусы одного и того же индивида, выраженные им в различных формах и в разное время, могут быть учтены в сферической типологии именно как различные типологизируемые объекты.

Именно этот метод типологизации был использован в данной работе для типологизации опыта и критического анализа семиотической деятельности.

Одним из наиболее интересных моментов сферической типологизации является то, не только весь опыт понимается здесь как шар с условным центром нейтрализации всех противоположностей, но и каждая часть опыта может (и должна) рассматриваться именно как сферическая система с пограничными переходными зонами со всеми остальными частями. Именно поэтому предложенный методический прием можно еще назвать полисферической типологизацией. Эту форму легче вообразить, чем представить геометрически. Если бы попытаться это сделать, следовало бы изобразить шар, состоящий из секторов, каждый из которых в свою очередь является шаром, состоящим из секторов-шаров. И так до бесконечности. Тем не менее, такой способ представления опыта позволяет объяснить, во-первых, что все типы деятельности функционально между собой связаны и взаимно друг в друга переходят, а во-вторых, что каждый из них может быть подвергнут типологизации на тех же основаниях, на каких был типологизован весь опыт как целое.

Литература

1. Кант, ¹И. *Критика чистого разума*, [в:] Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. — М., 1994.
2. Марков Б. В. *Философская антропология: очерки истории и теории*, С.-Петербург 1997, http://anthropology.ru/ru/texts/markov/fantr_i_3.html.
3. Потебня, А. А. *Мысль и язык*. — К., 1993.

Примечания

¹Различие в количестве традиционно выделяемых стилей и типов деятельности объясняется тем, что при всей специфичности философии она, тем не менее, не обладает достаточно выразительными средствами семиотизации, которые могли бы ее однозначно отличить от науки и искусства.

² Б. В. Марков, *Философская антропология: очерки истории и теории*, С.-Петербург 1997, http://anthropology.ru/ru/texts/markov/fantr_i_3.html.

³ А. А. Потебня. *Мысль и язык*, с. 117.

⁴ И. Кант, *Критика чистого разума*, с. 492.

Литвак С. Я.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

Возрастающий интерес современной лингвистики к изучению человеческого фактора в языке вызвал появление целого ряда работ, посвященных исследованию различных аспектов языковых картин мира и проблем языкового релятивизма [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Однако вопрос об этнической специфичности грамматического уровня языка и о сопоставительном анализе семантики одноименных грамматических категорий разных языков продолжают оставаться недостаточно разработанными.

Целью нашей работы является освещение указанных вопросов на материале нескольких языков. Эта цель обусловила решение следующих задач:

- 1) обосновать этнический характер грамматического уровня языка;
- 2) охарактеризовать семантические расхождения между языками на грамматическом уровне, в которых запечатлены фрагменты различных языковых картин мира;
- 3) дать классификацию одноименных грамматических категорий разных языков.

1. В наше время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит действительность, имеет свой специфический способ ее концептуализации. Как подчеркивал еще В. Гумбольдт, различие языков состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений [11: 139]. Особое мировидение – это и есть специфическая языковая картина мира (ЯКМ).

Анализируя картину мира какого-либо языка, лингвисты обращаются главным образом к его лексико-семантической системе. Например, Н. П. Тропинина отмечает, что ЯКМ формируется прежде всего лексико-семантической системой языка, хотя и другие языковые уровни участвуют в ее формировании [12: 12]. Более определенно о необходимости привлечения к таким исследованиям других уровней языка высказывается И. А. Голубовская. Она считает, что в выражении культурно-национальной специфики задействованы все без исключения уровни языковой системы [13:11]. Некоторые ученые очень четко говорят о роли грамматического уровня языка в представлении ЯКМ. Так, Е. В. Урысон указывает, что «специфичная языковая картина мира

закреплена в грамматике, а именно в семантически значимых грамматических категориях, и в лексической системе языка» [14: 79]. По мнению Н. Б. Мечковской, «в семантике естественных языков запечатлена в основном та картина мира, которая была доступна человеческому сознанию во время формирования грамматического строя языка и его древнейших лексических пластов» [15: 40].

Блестящий анализ этнического характера грамматической семантики разных языков дан в работе А. Вежицкой «Семантические универсалии и описание языков». А. Вежицкая подчеркивает, что «грамматика на самом деле составляет концентрированную семантику: она воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности» [16: 44].

Эта мысль перекликается с положением В. А. Плуменя о том, что в грамматике каждого языка имеется свой набор предпочтений, который отражает приоритеты языкового сознания говорящих на данном языке [17: 109].

2. Семантические расхождения на грамматическом (морфологическом) уровне проявляются прежде всего в наличии или отсутствии грамматических категорий «преимущественно отражательного типа» [18: 75], которые в целом адекватно фиксируют компоненты общей концептуальной картины мира [19: 19]. Например, в английском языке есть грамматическая категория определенности-неопределенности, которая отсутствует в большинстве славянских языков, а в русском и украинском языках есть категория одушевленности-неодушевленности, которая отсутствует в английском языке.

Чем дальше языки отстоят друг от друга в генетическом плане, тем более значительными могут быть их различия в области грамматической семантики. Например, в японском языке нет категории числа существительных, а в языке юрок нет категории глагольного времени, которые присущи индоевропейским языкам. Наоборот, индоевропейским языкам абсолютно чужды грамматические категории названий людей, которые свойственны им в языке нутка, грамматический строй которого «вынуждает говорящего, когда он упоминает кого-либо или обращается к кому-либо, указывать, является ли это лицо левшой, лысым, низкорослым, обладает ли оно астигматизмом и большим аппетитом» [20: 39].

Следует подчеркнуть, что элементы ЯКМ, закодированные в грамматической системе языка, имеют обязательный характер; они оказывают давление на говорящего, вынуждая его к выражению тех характеристик, которые, может быть, и не входили в его первоначальный коммуникативный замысел [21: 109]. Стало быть, если в данном языке есть те или иные грамматические значения, то говорящий не может их не выразить в речи, хотя семантическая информация, содержащаяся в них, может оказаться несущественной для акта общения. В таком случае нет необходимости передавать их в переводе. Примером может служить категория одушевленности-неодушевленности в русском и украинском языках.

При переводе возникают особые трудности в противоположном случае – когда в языке перевода есть грамматические элементы, которые не имеют грамматических соответствий в языке оригинала, но которые непременно должны быть переданы в переводе. Как отмечает Р. О. Якобсон, «труднее точно следовать оригиналу, когда мы переводим на язык, в котором есть грамматическая категория, отсутствующая в языке оригинала» [22: 21]. Р. О. Якобсон иллюстрирует это положение на примере предложения «I hired a worker». Для того, чтобы правильно перевести его на русский язык, необходима дополнительная информация, которая для носителя английского языка несущественна. В частности, необходимо знать, идет ли речь о завершённом или незавершённом действии, о работнике мужского или женского пола. Вне контекста или ситуации ответить на эти вопросы невозможно.

Поскольку указанная информация для носителя английского языка несущественна, ее не требуется передавать в переводе на английский язык. Русские предложения «Я нанимал работника», «Я нанял работника», «Я нанимал работницу», «Я нанял работницу» переводятся на английский язык одинаково: «I hired a worker».

На удивительное своеобразие набора грамматических категорий в разных языках указывал еще О. Есперсен: «...то, что в одном языке выражается с необычайной точностью в каждом предложении, в другом языке остается вообще невыраженным, как будто оно не имеет никакого значения» [23: 50].

3. Не менее своеобразными оказываются и одноименные грамматические категории разных языков. Характеризуя такие категории, А. Вежицкая отмечает, что, с одной стороны, они могут быть в какой-то степени приравнены друг к другу на основании некоторого общего семантического ядра, а с другой стороны, они не являются тождественными, поскольку «каждый язык располагает своей собственной уникальной системой значений, закодированных в грамматике». «Множественное число» или «прошедшее время» одного языка не полностью соответствуют «множественному числу» или «прошедшему времени» в другом языке [24: 46].

На наш взгляд, с точки зрения сопоставительной семантики одноименные грамматические категории (в частности, в языке оригинала и языке перевода) можно разделить на гомогенные, частично гетерогенные и полностью гетерогенные.

Одноименные грамматические категории разных языков являются гомогенными в том случае, если семантическое содержание конституирующих их форм совпадает. Примером может быть категория числа существительных в английском, немецком, французском, русском, украинском и многих других языках.

Одноименные грамматические категории разных языков являются частично гетерогенными в том случае, если семантическое содержание грамматических форм в каждом из сопоставляемых языков чем-то отличается. Частичная гетерогенность одноименных грамматических категорий обусловлена лингвистическим фактором, который Ф. де Соссюр назвал значимостью языкового знака [25: 115]. В данном случае она зависит от количества членов оппозиции – граммем, которые составляют грамматическую категорию. Так, в тех языках, где категория числа существительных представлена двучленной оппозицией «единственное число – множественное число» (например, в английском, немецком, русском, украинском и многих других языках), форма множественного числа имеет значение «более одного»; в тех же языках, где категория числа существительных представлена трехчленной оппозицией «единственное число – двойственное число – множественное число»

(например, в литовском языке, в иврите) форма множественного числа имеет значение «более двух».

Одноименные грамматические категории разных языков являются полностью гетерогенными, если семантическое содержание соответствующих граммем существенно отличается. Полная гетерогенность одноименных грамматических категорий обусловлена различными способами концептуализации действительности разными языками. Примером может служить категория глагольного вида, которая в славянских языках представлена грамматическими значениями совершенного и несовершенного видов, а в английском языке – общего и длительного видов. В то время как в славянских языках категория вида выражает отношение действия к его внутреннему пределу или результату [26: 35], в английском языке категория вида передает характер протекания действия [27: 8]. Поэтому между семантикой видов славянского глагола и английского глагола нет непосредственного соответствия: длительный вид переводится несовершенным видом, но несовершенный вид может переводиться как длительным, так и общим видом. Переводчик должен сделать выбор на основе узкого или широкого контекста.

Полностью гетерогенными могут быть одноименные грамматические значения даже в родственных языках одной подгруппы. Примером может служить семантика перфектной формы в трех западногерманских языках – немецком, английском и идише. Немецкий перфект обозначает прошедшее действие, связанное с настоящим моментом своим результатом; соответствующая аналитическая конструкция английского языка воспринимается его носителями как настоящее время, а внешне совпадающая с ней конструкция языка идиш обозначает прошедшее действие вообще, вовсе необязательно связанное с настоящим моментом:

нем. Ich habe das gemacht (прошедшее время – претерит);

англ. I have done it (наст. время перфектного разряда);

идиш Ix hob gemaxt dos nextn. (общепрошедшее время).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Каждый язык создает специфическую картину мира, которая представляет собой способ его концептуализации. Этническая специфичность ЯКМ проявляется не только на лексическом уровне, но и на грамматическом уровне – в семантически значимых грамматических категориях.

2. С точки зрения сопоставительной семантики одноименные грамматические категории можно разделить на гомогенные, частично гетерогенные и полностью гетерогенные.

3. Полностью гетерогенными могут оказаться одноименные грамматические значения даже близкородственных языков.

4. Элементы ЯКМ, закодированные в грамматической системе определенного языка, должны учитываться в процессе перевода.

Работа по исследованию роли грамматической семантики в представлении ЯКМ может быть продолжена на материале других языков.

Литература

1. Радбиль Т. Б. Языковая картина мира как коррелят классической дихотомии «язык – речь» // Лингвистика на исходе XX века. Тезисы международной конференции. – Том II. – М.: Филология, 1995. – С. 434-435.
2. Кононенко І. В. Національно-мовна картина світу: зіставний аспект (на матеріалі української та російської мов // Мовознавство. – 1996. – №6. – С. 39-46.
3. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 314 с.
4. Урысон Е. В. Языковая картина мира и лексические заимствования // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 79-82.
5. Пирлік Н. В. Категорія часу у мовній картині світу // Семантика мови і тексту. Збірник статей VI міжнародної конференції 26-28 вересня 2000 року. – Івано-Франківськ: Пласт, 2000. – С. 460-464.
6. Олександрів Л. П. Мовна картина світу сучасних британців // Там само. – С. 426 - 428.
7. Новикова Н. С., Черемисина Н. В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира. – ФН. – 2000. – №1. – С. 40-49.
8. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001. – 161 с.
9. Кісь Роман. Мова, думка і культурна реальність (від Олександра Потебні до гіпотези мовного релятивізму). – Львів: Літопис, 2003. – 303 с.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М.: Флинта – Наука, 2003. – 312 с.
11. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
12. Тропинина Н. П. Семантические деривации и языковая картина мира // Вісник Черкаського університету. – Випуск 24. – Серія Філологічні науки. – Черкаси, 2001. – С. 12-15.
13. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира. – К.: КНУ, 2002. – 293 с.
14. Урысон Е. В. Указ. соч.
15. Мечковская Н. Б. Указ. Соч.
16. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
17. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: УРСС, 2000. – 383 с.
18. Бондарко А. В. Классификация морфологических категорий // Типология грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – С. 56-76.
19. Руденко Д. И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 19-35.
20. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
21. Плунгян В. А. Указ. соч.
22. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 16 - 24.
23. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: УРСС, 2002, – 404 с.
24. Вежицкая А. Указ. соч.
25. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
26. Ганич Д. І., Олійник І. С. Словник лінгвістичних термінів. – К.: Вища школа, 1985. – 360 с.
27. Міліх Н. Г., Перебийніс В. С., Рукіна Е. П. Морфологія англійського дієслова. – К.: Либідь, 1995. – 220 с.

Литвинникова О. И.

ГЛАГОЛЫ ОТАДЪЕКТИВНОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Отадъективные глаголы русского языка привлекали внимание лингвистов как историей своего развития (П. С. Сигалов), так и структурно-семантическими особенностями (Р. В. Бахтурина, И. С. Улуханов,